

УДК 82.091 (Сравнительно-исторические литературоведческие исследования)

ЛЮДИ И МАНЕКЕНЫ (ПОЭТИКА ПЬЕСЫ В. КАТАЕВА «УНИВЕРМАГ»)

© 2020 М.А. Шеленок

*Шеленок Михаил Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии
и культурологии.*

E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 07.08.2020

В данной статье исследуется рукопись (машинопись) малоизвестной стихотворной комедии В.П. Катаева «Универмаг» (1929). Выявляются объекты авторской иронии. Особое внимание уделяется трагедии «бывших» людей, которые не смогли адаптироваться и оказались «лишними» в послереволюционную эпоху. Анализ пьесы показывает, что сюжет имеет водевильный характер: в основу действия положены путаница и случайность, придающие динамику и поддерживающие общую комическую атмосферу произведения. Драматург использует элементы фантастики (сказочной поэтики), что не только рождает занимательность, но и позволяет расширять жанровые границы. Катаев практически избегает прямолинейной сатиры и нравоучений (в отличие от «Растратчиков» (1927) и комедий 1930-х годов). В «Универмаге» реализуется признание «правды» рядового человека: центральные персонажи пьесы выглядят наивными и смешными, но они не осуждаются с высоты нравственных и идеологических ценностей советского времени.

Ключевые слова: В. Катаев, комическое, водевиль, ирония, сказка.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-93-96

О единственной стихотворной комедии В. Катаева «Универмаг» (1929) известно немного. В марте 1930 года на сцене Ленинградского Театра Сатиры состоялась премьера спектакля. Однако успеха, подобного «Квадратуре круга» (1928), постановка не имела [См. об этом: 4, с. 27-28]. Официальная критика обвиняла автора пьесы в беззубом зубоскальстве и отсутствии драматургического чутья [См.: 1, с. 10]. В дальнейшем интерес к «Универмагу» начинает пропадать не только в театральной среде, но и у самого В. Катаева. Отметим, что драматург после журнальной публикации («30 дней», 1929, № 1) не включал данное произведение в свои сборники и собрания сочинений. Нам удалось изучить авторскую машинопись, которая хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке. Комедия до сих пор не становилась объектом специального исследования. Н. Гуськов в монографии «От карнавала к канону: Русская советская комедия 1920-х годов» обзорно обращается к пьесе, кратко обозначая основной конфликт и представляя наиболее ярких действующих лиц [См.: 2, с. 168-169].

Цель статьи – изучить проблематику и поэтику малоизвестного катаевского произведения.

Зрителя XXI века не удивить историей о том, как герои оказываются на ночь заперты в магазине, где их ожидает масса соблазнов. Однако для СССР конца 1920-х годов подобный сюжет был ярким и интригующим.

Накануне выходных в универмаге оказались заперты несколько человек: обремененные «квартирным вопросом» влюбленные спрятались от посторонних глаз, чтобы провести время вместе; мальчик оторвался от родителей и потерялся; некая дама настолько увлеклась разговором в телефонной будке, что окончила его в закрытом магазине (двое последних – жертвы случая).

«Бедные молодые люди, влюбленные друг в друга» [3, с. 2] Алеша и Маша искренне восхищаются своим «райским гнездышком», где «светло, тепло и никого. / Ни хулиганов, ни прохожих, ни соседей, / Ни дворников, ни сторожей, ни сторожих. // Ни милиционеров» [3, с. 12]. Они воркуют, клянутся друг другу в вечной любви, лакомятся шоколадом, примеряют выставленную для продажи одежду и т. д.,

неустанно сравнивая универмаг с райским садом и не замечая подстерегающих опасностей.

Впервые двойственное отношение к универсальному магазину показано в комическом диалоге мальчика Петруши и нагруженных покупками родителей в начале первого действия:

«Петруша (*глядя на швейцара*): Мама, это бог?

Жена: Нет, деточка, швейцар. <...>

Петруша (*оглядываясь вокруг*): Мама, это рай? <...>

Жена: С таким ребенком – ад» [3, с. 3-4].

Примечательно, что магазин выглядит раем в глазах самых наивных персонажей (ребенка и романтически настроенной парочки), благодаря чему Катаев избегает в данной пьесе разоблачения мещан, склонных к вещизму.

При этом сравнение с взнезными мирами (как высшим, так и низшим) является пусковым механизмом для мистических коллизий: ночью в магазине оживают манекены и чучело медведя.

Автор обращается к поэтике сказочного. «Волшебная страна» [3, с. 20] действительно оказывается полной превращений (реальных и пародийных). Так, Алеша «превращается» из ничего в «принца»:

«Маша: <...> Ты выглядишь, как нищий. / Мне стыдно за тебя и за твои штаны.

Алеша: <...> Один момент. Кашне, перчатки, шляпа / Штиблеты, гетры, вязаный жилет, / Хорошее пальто из английского драпа, / Изысканный костюм – и кончен туалет. / Да. Трость еще. Не обойтись без трости. / Ну, как теперь?

Маша: Хоть к Чемберлену в гости» [3, с. 30-31].

А приглашенные в качестве шутки на импровизированную свадьбу Алеши и Маши чучела во главе со свадебным генералом («великолепным попугаем» [3, с. 15]) не заставили себя ждать.

Катаев в «Универмаге» неоднократно использует приемы водевильной поэтики. Так, особая роль отводится случаю и путанице. Например, когда молодые люди начинают планировать совместную жизнь и Маша желает поиграть в семью с ребенком: «Хочу, чтоб был малютка сын у нас» [3, с. 32], из-за корзины цветов выглядывает заблудившийся Петруша:

«Алеша: Буквально волшебство.

Маша: Алеша, не шути. / Едва подумали, а уж ребенок взялся.

Алеша: Откуда ты, прелестное дитя. / Ах, это

тот, который потерялся...» [3, с. 33].

В следующей сцене Алеша примет за сторожа бездомного интеллигента, который в свою очередь посчитает молодого человека сотрудником уголовного розыска:

«Алеша: Не дед, а сторож. Влопались. Досада (*тушим свет*). <...>

Тит: Стой, кто идет.

Алеша: Стой, кто идет. <...>

Тит: Зажгите свет. Сдаюсь.

Алеша: Сдаюсь. <...> Позвольте... Собственно. Кому и кто сдается? / Вы сторож. Я – сдаюсь. Берите.

Тит: Ерунда. / Какой там сторож. Должен вам признаться, <...> Я, видите ли, здесь живу... <...> В рояльном ящике. <...> Конечно, тайно... Вы – агент МУУРа?

Алеша: Нет, что вы» [3, с. 37].

Отметим, Тит – персонаж трагикомический. Это не просто трусливый представитель дореволюционной интеллигенции, которому уйти «и некуда, и лень» [3, с. 38]. Он – заключенный в мире кукол и манекенов: «<...> по ночам ишу меж кукол человека» [3, с. 49]. Через данную реплику персонажа автор характеризует современное общество. Согласимся с утверждением Н. Гуськова: «Фантастические мо-тивы и стихотворная речь действующих лиц придают этому бытовому анекдоту глубокий смысл. Универмаг начинает ассоциироваться с Россией, избравшей путь нэпа, населяющие его существа – с определенными социальными типами советской эпохи, обстоятельства их жизни – с конкретными событиями послереволюционного периода» [2, с. 168]. Кроме того, монолог катаевского Тита: «Очень жаль. Опять не повезло. <...> / Адски надоело. / И главное – никто не ловит, как на зло...» [3, с. 37] – созвучен финальной реплике эрдмановского Гулячкина: «<...> если нас даже арестовать не хотят, то чем же нам жить, мамаша?» [5, с. 80]. Таким образом, Катаев показывает трагедию людей, которые не смогли адаптироваться и оказались «лишними» в новую эпоху.

Рассказ бывшего интеллигента о коварстве манекенов пугает молодых людей. Они начинают верить в нечистую силу: «Ну и связались с чертом» [3, с. 41]. Титу отводится роль водевильного чудака. Он является не столько плутом, сколько – дураком, объектом кукольных насме-шек.

В качестве водевильного злодея – главного

источника путаниц и ссор – выступает «одна из лучших кукол магазина» [3, с. 40] Ундина. Обиженная на Тита «<...> не то, чтобы жена... А муза» [3, с. 40] из ревности околдовывает Алешу, разлучая влюбленных.

В пьесе три мистических любовных треугольника: Маша – Алеша – Ундина; Ундина – Тит – Маша; Медведь – дамочка – муж дамочки (внесценический персонаж). Первые два тре-угольника образуются вследствие интриг злой куклы. Алеша начинает восхищаться красотой манекена, во сне бормочет ее имя и т. д. В то же время Тит неумело оказывает знаки внимания Маше, которая не избегает общества бывшего интеллигента, но и не принимает его «ухаживаний» (поэтому треугольника «Алеша – Маша – Тит» нет).

Анекдотичны ухаживания чучела медведя за любительницей телефонных разговоров. Дамочка флиртует с необычным ухажером, сопровождающим ее по всем отделам универмага:

«Медведь: Миль пардон. / Я плачу от любви и ничего не вижу. / О, сжальтесь надо мной.

Дамочка: Но у меня супруг.

Медведь: Ой, до чего же я супруга ненавижу. <...>

Дамочка: Милый друг, / Вы помесь дикая француз и гусара. / <...> Вот смешной» [3, с. 69-70];

«Медведь: Мадам. Я жить без вас не в силах, видит бог. / Я буду вам служить хоть не умом, так шкурой. / Я целый день готов лежать у ваших ног. / Смотрите – я большой, красивый, черно-бурый (ложится на пол). / Вы будете по мне ходить, как по ковру.

Дамочка: Пустите. Хорошо. Я вас с собой беру» [3, с. 86].

При этом в одном из монологов Медведя присутствует авторская ирония в адрес современной театральной критики: «<...> Чтоб театральные рецензии писать. / Никто меня за это не осудит. / Коль к делу подойти <...> со стороны: / Был Волков, Соболев – нехай Медведев будет / Хватать искусство за штаны» [3,

с. 71].

Последующие столкновения всех пар рождают новые путаницы. Так, дамочка принимает Машу и Алешу за манекены (то есть живые начинают номинально превращаться в мертвых). Сначала Маше приятно, что ее и жениха отождествляют с безупречно красивыми куклами, но после она понимает риск обезчеловечивания: «Уж стали принимать за манекенов нас. / И вообще – ни капельки покою. / <...> Сидим, как чучела <...>. Мне скучно здесь» [3, с. 59]. Во второй половине произведения девушка начинает жалеть о пребывании в мнимом раю, который оказывается форменным адом. Примечательно, что в конце пятого действия желающие сбежать из магазинного плена герои вызывают пожарную службу (возможно, автор так метафорически показывает желание персонажей погасить пламя раздора).

Финал произведения положительный. Манекены и чучела теряют свою силу. Пожарные выводят потерявшегося мальчика, а незамеченные бригадой Маша, Алеша и дамочка (их вновь принимают за манекенов) тайно выбираются из универмага. И только «пропащий человек» [3, с. 89] Тит не решается покинуть мир кукол и витрин.

Итак, анализ пьесы В. Катаева «Универмаг» показывает, что сюжет имеет водевильный характер: в основу действия положены путаница и случайность, придающие динамику и поддерживающие общую комическую атмосферу произведения. Автор использует элементы фантастики (сказочной поэтики), что не только рождает занимательность, но и позволяет расширять жанровые границы. При этом Катаев практически избегает прямолинейной сатиры и нравочений (в отличие от «Растратчиков» (1927) и комедий 1930-х годов). В «Универмаге» реализуется признание «правды» рядового человека: центральные персонажи пьесы выглядят наивными и смешными, но они не осуждаются с высоты нравственных и идеологических ценностей советского времени.

1. Антонович, Л. Отдел игрушек и парфюмерии. «Универмаг» В. Катаева в Ленинградском Театре Сатиры // Рабочий и театр. - 1930. - № 16 (21 марта). - С. 10-11.
2. Гуськов, Н. От карнавала к канону: Русская советская комедия 1920-х годов. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. - 212 с.
3. Катаев, В. Универмаг. Б. м., б. г. : 92 с. Машинопись (СПбГТБ).
4. Котова, М. Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х – 1940-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. - М., 2005. - 240 с.
5. Эрдман, Н. Мандат // Эрдман, Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. -

М.: Искусство, 1990. - С. 19-80.

**PEOPLE AND DUMMIES
(THE POETICS OF V. KATAEV'S PLAY "THE GENERAL STORE")**

© 2020 M.A. Shelenok

*Mikhail A. Shelenok, PhD in Russian Literature, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Cultural Studies, University of the Humanities and Social Sciences.*

E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

University of the Humanities and Social Sciences.
St. Petersburg, Russia

The article deals with the manuscript (typewriting) of V.P. Kataev's lesser-known comedy written in verse form called "The General Store" (1929). Objects of the author's irony are revealed. Special attention is given to the tragedy of "have-beens" who failed to adapt and happened to become "superfluous" people in the post-revolution era. The analysis of the play demonstrates a vaudevillian nature of the plot: the action is based on confusion and accident that enhance dynamics and maintain general comic environment of the literary work. The play-writer incorporates the elements of fantasy (fairytale poetics) that not only contributes to the entertainment value, but also gives the opportunity to expand the genre boundaries. Kataev practically avoids a straightforward satire and moralizing (unlike in "The Embezzlers" (1927) and the comedies of the 1930es). "The General Store" manifests the acknowledgment of an ordinary person's "truth": the main characters of the play look naïve and funny, but they are not judged by the moral and ideological standards of the Soviet times.

Key words: V. Kataev, comedy, vaudeville, irony, fairytale.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-93-96

1. Antonovich, L. (1930) Otdel igrushek i parfumerii. "Univermag" V. Kataeva v Leningradskom Teatre Satiry [The Department of Toys and Perfumery. V. Kataev's "The General Store" in the Leningrad Satire Theater]. In: Rabochij i teatr [Worker and Theatre]. - № 16 (March, 21). - Pp. 10–11.
2. Gus'kov, N. (2003) Ot karnavala k kanonu: Russkaya sovetskaya komediya 1920-h godov [From Carnival to Canon: Russian Soviet comedy of the 1920es]. - St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. - 212 p.
3. Kataev, V. Univermag [The General Store]. s.l. s.a. 92 p. Manuscript (St. Petersburg State Theater Library).
4. Kotova, M. Dramaturniya M.M. Zoshchenko v kontekste literaturnogo processa 1930-h – 1940-h gg.: dis. ... kand. filol. nauk. [M.M. Zoshchenko's dramatic playwriting in the context of the literary process of the 1930–1940es: Cand. Sc. {Philology} thesis]. Moscow, 2005. - 240 p.
5. Erdman, N. (1990) Mandat [Mandate]. In: Erdman N. P'yesy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov [Plays. Interludes. Correspondence. Documents. Memoirs of contemporaries]. - Moscow: Iskusstvo Publ.. - Pp. 19–80.